

**EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME**

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО СУЛТАНОВ против РОССИИ

(Жалоба № 15303/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

4 ноября 2010

Данное постановление вступит в силу при обстоятельствах, изложенных в Статье 44 § 2 Конвенции. Оно может подвергнуться редакционной правке.

По делу Султанов против России,

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

Христос Розакис, *Президент,*

Нина Важич,

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штайнер,

Ханлар Гаджиев,

Джорджио Малинверни,

Джордж Николау, *судьи,*

и Серен Нильсен, *Секретарь секции,*

Заседая за закрытыми дверями 14 октября 2010 года,

Вынес следующее постановление, которое было принято в этот день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело начато в связи с жалобой (№ 15303/09) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Узбекистана, г-ном Наби Султановым («заявитель»), 20 марта 2009 года.

2. Заявитель был представлен юристами ЕНРАС/Правозащитного центра «Мемориал», НПО с офисами в Лондоне и Москве. Российское Правительство («Правительство») было представлено г-ном Г. Матюшкиным, представителем Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что его содержание под стражей российскими властями с целью экстрадиции в Узбекистан, где ему грозило политически мотивированное преследование местными властями, нарушило его права, предусмотренные Статьями 3, 5 и 6 Конвенции.

4. 20 марта 2009 года Президент Палаты, в которую дело было распределено, решил в интересах сторон и надлежащего проведения судопроизводства указать Правительству России, в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда, что заявитель не должен быть экстрадирован в Узбекистан до дальнейшего указания.

5. 1 октября 2009 года Президент Первой Секции принял решение уведомить Правительство о жалобе. Было также решено рассмотреть дело по существу одновременно с вопросом о его приемлемости (Статья 29 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. Разбирательство в Узбекистане

6. Заявитель родился в Узбекистане в 1979 году. В марте 2008 года он покинул Узбекистан и переехал в Россию.

7. 4 июня 2008 Главное следственное управления Министерства внутренних дел Узбекистана заочно предъявило заявителю обвинение в организации преступного сообщества, попытке свержения конституционного строя и распространении взглядов радикального экстремистского движения. Заявитель был объявлен в розыск.

8. 5 июня 2008 Наманганский уголовный суд санкционировал арест заявителя.

9. 9 июля 2008 года Генеральная прокуратура Узбекистана направила запрос в Генеральную прокуратуру России о выдаче заявителя в Узбекистан для уголовного преследования.

B. Разбирательства в России

1. Экстрадиционные процедуры

10. 18 сентября 2008 года Генеральная прокуратура России вынесла решение об экстрадиции заявителя в Узбекистан. Решение об экстрадиции указывало, среди прочего, следующее:

«...В производстве ГСУ МВД Республики Узбекистан находится уголовное дело по обвинению Султанова Н.Н....»

Султанов Н.Н. обвиняется в том, что в период 2000-2008 гг. в Наманганской области Республики Узбекистан с целью насильственного изменения конституционного строя Республики Узбекистан организовал преступное сообщество... руководил его подразделениями... активно участвовал в преступной деятельности сторонников религиозно экстремистского течения ... публично призывал к свержению конституционного строя Республики Узбекистан путем проведения священной войны «джихад» и построения Исламского государства...

...Действия Султанова Н.Н. являются наказуемыми по российскому уголовному законодательству и соответствуют ч. 1 ст. 210 (организация преступного сообщества), ст. 278 (действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя), ч. 1 ст. 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) УК РФ, санкции которых предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного

года. Сроки давности привлечения к уголовной ответственности по законодательству Российской Федерации и Республики Узбекистан не истекли...»

11. 25 сентября 2008 года заявитель был проинформирован о решении об экстрадиции. По его словам, он подписал документы, подтверждающие, что был ознакомлен с решением об экстрадиции, и отказался обжаловать его, не будучи осведомленным о содержании документа в связи с недостаточным знанием русского языка.

12. 10 ноября 2008 года адвокат заявителя подал в Московский городской суд ходатайство о восстановлении срока, установленного для обжалования решения об экстрадиции. 20 ноября 2008 года Московский городской суд отказал в удовлетворении ходатайства. Заявитель обжаловал отказ, и 9 февраля 2009 года Верховный Суд Российской Федерации удовлетворил его жалобу и восстановил срок.

13. 17 марта 2009 года Московский городской суд отклонил жалобу заявителя на решение об экстрадиции и оставил в силе его экстрадицию в Узбекистан.

14. 19 марта 2009 года заявитель обжаловал это решение в Верховный Суд Российской Федерации.

15. 20 марта 2009 года Европейский Суд по правам человека удовлетворил запрос заявителя о применении срочных мер в соответствии с Правилом 39 Регламента Суда для приостановки его экстрадиции в Узбекистан.

16. 7 мая 2009 года Верховный Суд оставил в силе решение Московского городского суда, и решение об экстрадиции вступило в силу. В отношении жалобы заявителя о том, что ему грозит риск жестокого обращения и пыток в Узбекистане, суд указал:

«...приведенные [заявителем] ссылки о нарушениях прав человека в Республике Узбекистан... носят общий характер и каких-либо объективных данных о возможном применении вышеуказанных методов [жестокости обращения] к Султанову Н.Н. в представленных материалах не имеется...»

...инициатор розыска дал определенные гарантии в отношении Султанова Н.Н. В случае несоблюдения этих гарантий у Российской Федерации будут основания в дальнейшем отказывать в выдаче [в Узбекистан] других лиц...»

2. Содержание заявителя под стражей в ожидании экстрадиции и его ходатайства об освобождении

17. 17 июня 2008 года заявитель был задержан на железнодорожной станции Пермь-2.

18. 18 июня 2008 года Пермская транспортная прокуратура решила задержать заявителя в соответствии с решением Наманганского уголовного суда в Узбекистане и поместила его в следственный

изолятор № 1 в Перми (СИЗО-1). Решение не предусматривало сроков содержания заявителя под стражей.

19. 6 августа 2008 года Пермская транспортная прокуратура снова вынесла решение о заключении заявителя под стражу в соответствии с решением об экстрадиции, фактически продлив первоначальное заключение заявителя под стражу от 17 июня 2008 года. Решение не предусматривало сроков содержания заявителя под стражей.

20. 18 сентября 2008 года Генеральная прокуратура России вынесла решение об экстрадиции заявителя в Узбекистан.

21. В неустановленный день в период с августа по ноябрь 2008 года заявитель был переведен из Перми в следственный изолятор № ИЗ-77/4 в Москве.

22. 21 января 2009 года заявитель обжаловал свое содержание под стражей в Бабушкинский районный суд Москвы. Жалоба была подана в администрацию СИЗО для дальнейшей передачи в суд 26 января 2009 года и зарегистрирована под номером С-12. Однако, 16 июня 2009 года Бабушкинский районный суд сообщил заявителю, что не получил эту жалобу.

23. 24 июня 2009 года заявитель подал жалобу в Тверской районный суд Москвы о том, что его содержание под стражей в ожидании экстрадиции было незаконным. Он заявил, во-первых, что содержался под стражей в ожидании экстрадиции более года без судебного продления срока содержания под стражей, во-вторых, что у него не было возможности оспорить законность своего содержания под стражей в нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции, и в-третьих, что положения российского уголовно-процессуального законодательства относительно содержания под стражей в ожидании экстрадиции не отвечают стандарту «качества закона», предусмотренному Статьей 5 § 1(f) Конвенции.

24. 21 июля 2009 года Тверской районный суд отклонил жалобу заявителя, указав следующее:

«...глава 13 УПК РФ [о мерах пресечения] предусматривает процедуру продления срока содержания под стражей только в отношении подозреваемых и обвиняемых при расследовании преступлений на территории Российской Федерации...

Процедура применения меры пресечения в отношении заявителя регулируется ст. 466 УПК РФ, которая не предусматривает продления срока содержания под стражей лица, задержанного в связи с экстрадицией.

В то же время необходимо учесть, что предельно допустимый срок содержания под стражей, установленный ст. 109 УПК РФ и составляющий 18 месяцев, ... нарушен не был...

При таких обстоятельствах суд приходит к выводу, что жалоба заявителя необоснованна и подлежит оставлению без удовлетворения...»

25. Заявитель обжаловал это решение в Московский городской суд. 7 октября 2009 года последний оставил в силе решение от 21 июля 2009 года и оставил жалобу заявителя на то, что его содержание под стражей было незаконным, без рассмотрения.

26. Далее заявитель подал жалобу в Московский городской суд в порядке надзора. 17 ноября 2009 его жалоба была отклонена городским судом как необоснованная.

27. 8 декабря 2009 года заявитель подал жалобу в Генеральную прокуратуру и прокурору Москвы о том, что его содержание под стражей было незаконным, и просил об освобождении. Он заявлял, что срок его содержания под стражей не был продлен национальными судами и что применение срочных мер Судом (см. параграф 15 выше) не может служить оправданием его дальнейшего содержания под стражей.

28. 8 декабря 2009 года заявитель подал надзорную жалобу в Московский городской суд о незаконности и чрезмерной длительности содержания под стражей. Эта жалоба была отклонена 9 февраля 2010 года.

29. 21 декабря 2009 года максимальный восемнадцатимесячный срок содержания под стражей, установленный в статье 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, истек, но заявитель остался под стражей.

30. 23 апреля 2010 Бабушкинский районный суд отказал в удовлетворении ходатайства прокуратуры о помещении заявителя под домашний арест.

31. 23 апреля 2010 Бабушкинская районная прокуратура вынесла решение об освобождении заявителя из-под стражи. 26 апреля 2010 прокуратура применила к заявителю меру пресечения в виде подписки о невыезде.

3. Ходатайства заявителя о предоставлении статуса беженца и временного убежища

32. 6 ноября 2008 года заявитель подал в Московское управление Федеральной миграционной службы (ФМС) ходатайство о предоставлении статуса беженца в России. 5 декабря 2008 года он был проинтервьюирован в следственном изоляторе сотрудником ФМС в присутствии адвоката.

33. 11 марта 2009 года ФМС отказала заявителю в предоставлении статуса беженца, указав, что «... нет обоснованных опасений, что он станет жертвой преследования в Узбекистане». Заявитель обжаловал этот отказ в Замоскворецкий районный суд Москвы.

34. 2 июня 2009 Замоскворецкий районный суд оставил отказ в силе, указав, что заявитель не представил достаточных доказательств того, что ему грозило жестокое обращение в случае экстрадиции в

Узбекистан, и что он подал заявление о предоставлении статуса беженца только после задержания, что указывает на то, что он пытался избежать законного уголовного преследования в Узбекистане.

35. Заявитель подал кассационную жалобу в Московский городской суд. 3 ноября 2009 года городской суд отклонил жалобу как необоснованную и оставил в силе решение от 2 июня 2009 года.

36. 18 января 2010 года заявитель подал в ФМС ходатайство о предоставлении временного убежища в России.

37. 3 марта 2010 года российское Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев сообщило ФМС, что опасения заявителя подвергнуться политически мотивированному жестокому обращению в Узбекистане были обоснованными и что он имеет право на международную защиту в соответствии с их мандатом.

38. 12 апреля 2010 года УФМС отказало заявителю в предоставлении временного убежища и сообщило об этом заявителю 16 апреля 2010 года без предоставления копии этого решения.

39. 30 апреля 2010 года заявитель обжаловал этот отказ в ФМС России. Материалы находятся на рассмотрении.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВНУТРЕННИЕ ПРАВОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

A. Заключение под стражу в ожидании экстрадиции и судебный контроль содержания под стражей

1. Конституция России

40. Конституция гарантирует право на свободу (Статья 22):

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

2. Европейская конвенция об экстрадиции

41. Статья 16 Европейской конвенции об экстрадиции от 13 декабря 1957 года (CETS № 024), участницей которой является Россия, предусматривает следующее:

«1. В безотлагательном случае компетентные органы запрашивающей Стороны могут обратиться с просьбой о предварительном задержании разыскиваемого лица. Компетентные органы запрашиваемой Стороны принимают решение по данному вопросу в соответствии с ее законом.

...

4. Предварительное задержание может быть прекращено, если в течение 18 дней после ареста запрашиваемая Сторона не получила запроса о выдаче и документов, упомянутых в Статье 12. В любом случае этот период не превышает 40 дней с даты такого задержания. Возможность временного освобождения в любое время не исключается, однако запрашиваемая Сторона принимает любые меры, которые она считает необходимыми, для предотвращения побега разыскиваемого лица».

3. Минская Конвенция 1993 года

42. В Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская Конвенция 1993 года), участниками которой являются Россия и Узбекистан, предусмотрено, что требование о выдаче должно сопровождаться постановлением о заключении под стражу (Статья 58 § 2).

43. Лицо, выдача которого требуется, может быть взято под стражу и до получения требования о выдаче. В таких случаях подается отдельное ходатайство, содержащее ссылку на постановление о взятии под стражу и указание на то, что требование о выдаче будет представлено дополнительно. Лицо может быть также задержано и без такого ходатайства, если имеются основания подозревать, что оно совершило на территории другой Договаривающейся Стороны преступление, влекущее выдачу. Другая Договаривающаяся Сторона должна быть немедленно уведомлена о взятии под стражу (Статья 61).

44. Лицо, взятое под стражу согласно Статье 61, должно быть освобождено, если требование о выдаче не будет получено в течение сорока дней со дня взятия под стражу (Статья 62 § 1).

4. Уголовно-процессуальный кодекс

45. Глава 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации («Меры пресечения») регулирует использование мер пресечения, или превентивных мер (*меры пресечения*), которые, в частности, включают заключение под стражу. Заключение под стражу может быть применено судом по ходатайству следователя или прокурора, если лицо обвиняется в преступлении, наказание за совершение которого предусматривает лишение свободы на срок не менее двух лет, при условии, что не может быть применена менее строгая мера пресечения (Статья 108 § 1 и §3). Срок содержания под стражей при расследовании не может превышать двух месяцев (Статья 109 § 1). Судья может продлить этот срок до шести месяцев (Статья 109 § 2). Дальнейшее продление срока до двенадцати месяцев или, при исключительных обстоятельствах, до восемнадцати месяцев может

быть разрешено только в том случае, если лицо обвиняется в тяжких или особо тяжких преступлениях (Статья 109 § 3). Продление срока более чем на восемнадцать месяцев недопустимо, и задержанный должен быть немедленно освобожден (Статья 109 § 4).

46. Глава 16 («Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство») предусматривает судебный контроль за решениями и действиями или бездействием следователя или прокурора, которые могут причинить ущерб конституционным правам или свободам участников уголовного судопроизводства (Статья 125 § 1). Суд рассматривает жалобы в течение пяти дней со дня их получения.

47. Глава 54 («Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора») регулирует процедуру экстрадиции. При получении запроса о выдаче, к которому не прилагается решение о заключении под стражу, выданное иностранным судом, прокурор должен принять решение о относительно применения меры пресечения к лицу, выдача которого запрашивается. Мера должна применяться в соответствии с предусмотренным порядком (Статья 466 § 1). Лицо, которому было предоставлено убежище в Российской Федерации в связи с возможным политическим преследованием в том государстве, которое запрашивает его выдачу, не может быть выдано этому государству (статья 464 § 1 (2)).

48. Решение о выдаче, принятое Генеральным прокурором может быть обжаловано в суде. Вопросы виновности или невиновности не входят в круг судебного рассмотрения, которое ограничивается лишь оценкой соответствия запроса о выдаче процедуре, установленной в соответствующем международном и национальном законодательстве (Статья 463 §§ 1 и 6).

5. Гражданский процессуальный кодекс

49. Лицо может оспорить в суде решения и действия или бездействие органов государственной власти или должностных лиц, которые нарушают его/ее права и свободы, препятствуют реализации его/ее прав и свобод или незаконно налагают обязанности или привлекают к ответственности (Статьи 254 § 1 и 255). Если суд признает заявление обоснованным, то он должен обязать соответствующие орган государственной власти или должностное лицо устранить нарушение или препятствие к осуществлению указанных прав и свобод (Статья 258 § 1).

6. Судебная практика Конституционного Суда

(а) Определение Конституционного Суда № 292-О от 15 июля 2003 года

50. 15 июля 2003 года Конституционный Суд вынес определение № 292-О по жалобе г-на Худоерова на продление срока его «содержания под стражей в ходе судебного производства» Владимирским областным судом после его истечения. Суд постановил следующее:

«Часть третья статьи 255 УПК Российской Федерации предусматривает, что суд ... по истечении шести месяцев со дня поступления уголовного дела в суд вправе продлить срок содержания подсудимого под стражей не более чем на три месяца каждый раз, и не включает положений, которые бы предусматривали возможность принятия судом решения о продлении срока содержания обвиняемого под стражей уже после истечения ранее установленного срока и тем самым допускали бы содержание лица под стражей в течение определенного периода времени без судебного решения. Не предусматривается такая возможность и другими нормами уголовно-процессуального законодательства. Более того, часть вторая статьи 10 и часть четвертая статьи 109 УПК Российской Федерации прямо предписывают суду, прокурору, следователю ... немедленно освободить всякого незаконно содержащегося под стражей свыше срока, установленного данным Кодексом. Это вытекает из положений пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (являющейся в соответствии со статьей 15, часть 4, Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации)...»

(b) Определение Конституционного суда № 101-О от 4 апреля 2006 года

51. Проверяя конституционность Статьи 466 § 1 Уголовно-процессуального кодекса, Конституционный Суд повторил свою постоянную позицию о том, что чрезмерно длительное или произвольное содержание под стражей, не ограниченное по времени, законность которого не проверяется должным образом, противоречит Статье 22 Конституции и Статье 14 § 3 Международного Пакта о гражданских и политических правах по всем делам, включая рассмотрение требования о выдаче.

52. По мнению Конституционного Суда, гарантии права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленные в статье 22 и главе 2 Конституции, равно как и правовые нормы Главы 13 УПК РФ о мерах пресечения, были полностью применимы к содержанию под стражей с целью выдачи. Следовательно, статья 466 УПК РФ не позволяет властям применять меру пресечения в виде заключения под стражу без соблюдения порядка, предусмотренного УПК РФ, или с превышением сроков, предусмотренных кодексом.

(с) Определение Конституционного Суда № 158-О от 11 июля 2006 по ходатайству Генерального прокурора о разьяснении

53. Генеральный прокурор ходатайствовал перед Конституционным Судом об официальном разьяснении определения данного суда № 101-О от 4 апреля 2006 года (см. выше) с целью, в частности, выяснить порядок продления срока содержания под стражей с целью выдачи.

54. Конституционный Суд отказал в удовлетворении ходатайства, поскольку в его компетенцию не входит разрешение вопроса о том, какие именно нормы уголовно-процессуального законодательства призваны определять порядок и сроки содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче. Этот вопрос относится к ведению судов общей юрисдикции.

(d) Определение Конституционного Суда № 333-О-П от 1 марта 2007 года

55. В своем определении Конституционный Суд повторил, что Статья 466 УПК РФ не предусматривает того, что содержание под стражей лица на основании запроса о выдаче не должно соответствовать порядку и срокам, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством.

(е) Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 22 от 29 октября 2009

56. В этом постановлении Верховный Суд подтвердил, что задержание и заключение под стражу лица с целью выдачи его или ее в соответствии со статьей 466 УПК РФ, должны соответствовать требованиям статьи 108 УПК РФ, и что содержание под стражей в ожидании экстрадиции может быть продлено только в соответствии с требованиями статьи 109 УПК РФ.

С. Соответствующие документы об использовании дипломатических гарантий и ситуации в Узбекистане

57. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 62/148 от 18 декабря 2007 года «Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания» (UN Doc.:A/RES/62/148) говорится:

«Генеральная Ассамблея...

12. *настоятельно призывает* государства не высылать, не возвращать (“refouler”), не выдавать или любым иным образом не передавать какое-либо лицо другому государству, если существуют веские основания полагать, что этому лицу угрожала бы опасность подвергнуться пыткам, и признает, что наличие дипломатических заверений не освобождает государства от их обязательств по международному праву, касающемуся прав человека,

международному гуманитарному и беженскому праву, в частности обязательств соблюдать принцип отказа от принудительного возвращения...»

58. В своем промежуточном докладе, представленном в соответствии с резолюцией Ассамблеи 59/182 (UN Doc.: A/60/316, 30 августа 2005 года), Специальный докладчик Комиссии по правам человека по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, Манфред Новак, пришел к следующим выводам:

«51. По мнению Специального докладчика, дипломатические заверения являются ненадежным и неэффективным средством защиты от пыток и дурного обращения: такие заверения обычно запрашиваются у государств, где систематически практикуются пытки; механизмы отслеживания судьбы возвращенных лиц не показали себя как гарантия от пыток; дипломатические заверения не имеют юридически обязывающего характера, в связи с чем они не имеют каких-либо правовых последствий, а их несоблюдение не влечет за собой никакой ответственности; лицу, которое призваны защитить заверения, некуда обратиться, если эти заверения не будут соблюдены. Поэтому Специальный докладчик придерживается той точки зрения, что государствам нельзя прибегать к дипломатическим заверениям как к гарантии от пыток и дурного обращения, если существуют серьезные основания полагать, что по возвращении человеку может угрожать применение пыток или жестокое обращение.

52. Специальный докладчик призывает правительства скрупулезно соблюдать принцип невыдворения и не высылать никаких лиц в те пределы или территории, где им могут угрожать нарушения прав человека, независимо от того, получили ли эти лица официальное признание в качестве беженцев».

59. Особо останавливаясь на ситуации с пытками в Узбекистане, применении пыток после дипломатических гарантий со стороны узбекских властей, Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках заявил на 2-й Сессии Совета ООН по правам человека 20 сентября 2006 года следующее:

«Применение пыток в Узбекистане носит систематический характер, как указывается в отчете о поездке в страну в 2002 году моего предшественника Тео ван Бовена. В подтверждение этих заключений мой офис продолжает получать тревожные сообщения о применении пыток узбекскими сотрудниками правоохранительных органов... Более того, в отношении событий мая 2005 года в Андижане Верховный Комиссар ООН по правам человека сообщил, что существуют весомые, существенные и убедительные доказательства совершения там грубых нарушений прав человека представителями узбекских вооруженных сил и сил безопасности. Тот факт, что Правительство отказалось от международного расследования Андижанских событий и независимого анализа связанных с ними разбирательств, а также что не существует международно-принятого отчета о событиях, вызывает глубокую озабоченность. Перед лицом таких значительных, серьезных и убедительных доказательств систематических пыток, применяемых сотрудниками правоохранительных органов в Узбекистане, я продолжу призывать Правительства воздержаться от передачи лиц в Узбекистан. Запрет пыток является абсолютным, и государства рискуют

нарушить данный запрет – свои обязательства по международному праву – передавая лиц в страны, где они рискуют подвергнуться пыткам. Я повторяю, что дипломатические заверения не являются юридически обязательными, низводятся существующие обязательства государств по запрещению пыток, являются неэффективными и ненадежными в обеспечении защиты прав возвращенных людей и поэтому не должны использоваться Государствами».

60. Далее, говоря о ситуации с пытками в Узбекистане, Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках заявил на 3-й Сессии Совета ООН по правам человека 18 сентября 2008 года:

«741. Специальный докладчик ... подчеркнул, что он продолжает получать серьезные заявления о пытках со стороны представителей правоохранительных органов в Узбекистане...

743. Более того, в отношении событий мая 2005 года в Андижане Верховный Комиссар ООН по правам человека сообщил, что существуют весомые, существенные и убедительные доказательства совершения там грубых нарушений прав человека представителями узбекских вооруженных сил и сил безопасности. Тот факт, что Правительство отказалось от международного расследования Андижанских событий и независимого тщательного исследования относящихся к ним процессов, а также что не существует международно-принятого отчета о событиях, вызывает глубокую озабоченность. Тем более учитывая, что в настоящий момент не ведется независимого мониторинга прав человека.

744. В свете вышесказанного существует мало доказательств, в том числе и от Правительства, которые могли бы рассеять опасения или как-то иначе убедить Специального докладчика, что ситуация с применением пыток значительным образом улучшилась с момента прошлой поездки в 2002 году...»

61. Комментарии Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев о дипломатических заверениях и международной защите беженцев, опубликованные 10 августа 2006 года, гласят:

22. В целом оценка пригодности дипломатических заверений является сравнительно однозначной, когда они предназначены гарантировать, что рассматриваемые лица не подвергнутся смертной казни или риску определенных нарушений права на справедливое судебное разбирательство вследствие экстрадиции. В таких случаях запрашиваемое лицо переводится в условия формального процесса, и можно контролировать соблюдение предоставленных гарантий со стороны ходатайствующего Государства. Несмотря на отсутствие эффективных средств правовой защиты для запрашиваемого государства или возвращаемого лица, несоблюдении гарантий может быть легко выявлено и должно быть принято во внимание при оценке надежности таких гарантий в отношении будущих дел.

23. Ситуация отличается, если указанное лицо рискует быть подвергнутым пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения в принимающем Государстве после перемещения. Было отмечено, что «в отличие от заверений о неприменении смертной казни или судебного разбирательства военным судом, которые легко поддаются проверке, гарантии против пыток и других злоупотреблений требуют

постоянной бдительности со стороны компетентных и независимых специалистов». Верховный суд Канады рассматривал данный вопрос в своем решении по делу Суреш против Канады (Министр по вопросам гражданства и иммиграции), сопоставляя заверения в тех делах, где присутствовал риск применения пыток, с теми, где высланному лицу грозил смертный приговор, сообщая о

‘...сложно чрезмерно доверять заверениям государства о том, что оно будет воздерживаться от применения пыток в будущем, когда оно уже применяло незаконные пытки или позволяло другим делать это на своей территории в прошлом. Эта сложность становится особенно острой в тех случаях, когда пытки причиняются не только в створе, но также и в силу бессилия государства регулировать поведение своих должностных лиц. Таким образом, необходимо проводить различие между заверениями в отношении смертной казни и заверениями в отношении пыток. Первые легче контролируемы и в целом заслуживают большего доверия, чем последние’.

24. В своем докладе перед Генеральной Ассамблеей ООН 1 сентября 2004 года Специальный докладчик Комиссии ООН по правам человека по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения или наказания исследовал вопрос о дипломатических заверениях в свете обязательства отказа от принудительного возвращения, которое характеризуется абсолютным и неумалимым запрещением пыток и других форм жестокого обращения. Отметив, что при определении того, имеются ли веские основания полагать, что человеку будет угрожать опасность подвергнуться пыткам, необходимо принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, Специальный докладчик далее высказал мнение о том, что:

‘при обстоятельствах, когда существует закономерность грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека, или систематического применения пыток, принцип невыдворения должен строго соблюдаться, а дипломатические заверения не должны применяться’».

62. Государственный департамент Соединенных Штатов, Отчет о правах человека в странах мира за 2009 год – Узбекистан, 11 марта 2010 года.

«...Пытки и иное жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание

Хотя конституция и закон запрещают подобные методы, сотрудники правоохранительных органов и сил безопасности регулярно избивают и иным образом жестоко обращаются с задержанными с целью получения признаний или обличительной информации. Пытки и насилие стали повседневными в тюрьмах, следственных изоляторах и местных полицейских участках и участках сил безопасности. Заключенных подвергали воздействию предельных температур. Наблюдатели сообщали о нескольких случаях медицинских злоупотреблений и одном известном случае применения принудительного психиатрического лечения.

...

По сообщениям, власти обращались с лицами, подозреваемыми в чрезмерных исламистских политических симпатиях, особенно во время досудебного заключения, с предполагаемыми членами запрещенных экстремистских политических организаций Хизб ут-Тахрир (ХТ) или Нур, более жестоко, чем с обычными преступниками. Местные правозащитники сообщали, что обычным преступникам власти часто платили или иным образом провоцировали на избивание подозреваемых в экстремизме или иных лиц, противостоящих правительству. Двое правозащитников, которые были арестованы, сообщали об избиваниях в следственном изоляторе.

Были сообщения о политически мотивированных медицинских злоупотреблениях. Жертвы могли ходатайствовать через защитников о рассмотрении их дел экспертными медицинскими консилиумами. На практике, однако, такие органы в основном поддерживали решения правоохранительных органов.

...

Условия в тюрьмах и следственных изоляторах

Условия в тюрьмах остались плачевными и в некоторых случаях угрожающими жизни. Продолжали поступать сообщения о серьезных злоупотреблениях, перенаселенности и нехватке еды и лекарств. Туберкулез и гепатит свирепствуют в тюрьмах, делая даже короткие периоды заключения под стражу потенциально опасными для жизни. Члены семей заключенных часто сообщали, что сотрудники тюрем крали еду и лекарства, предназначенные заключенным.

Были сообщения о том, что власти не освобождали заключенных из-под стражи, особенно осужденных за религиозный экстремизм, после окончания срока их заключения. Вместо этого начальство тюрем применяло ухищрения, чтобы продлить срок их заключения, обвиняя их в дополнительных преступлениях или заявляя, что заключенные представляют постоянную опасность для общества. Эти обвинения не рассматривались в судах».

63. Европейский Комитет по предотвращению пыток (КПП) в своем 15-ом Общем Докладе о деятельности от 22 сентября 2005 года, охватывающем период с 1 августа 2004 года по 31 июля 2005 года, выразил озабоченность по поводу использования дипломатических заверений в свете абсолютного запрещения пыток:

«38. В предисловии было упомянуто потенциальное противоречие между обязанностью государства защищать своих граждан от террористических актов и необходимостью соблюдать основополагающие ценности. Это хорошо иллюстрируется ныне существующим расхождением во мнениях относительно использования «дипломатических гарантий» в контексте процедуры депортации. Запрещение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения включает в себя и обязательство не отправлять человека в страну, где существуют серьезные основания полагать, что ему или ей грозит реальная опасность подвергнуться таким методам. Для того чтобы избежать подобного риска в определенных случаях некоторые Государства

избрали путь получения гарантий от страны назначения в том, что соответствующий человек не будет подвергаться жестокому обращению. Такая практика далеко не новая, но в последние годы попала в центр внимания, так как Государства все чаще стремятся отослать со своих территорий тех лиц, которые, как считается, угрожают национальной безопасности. Растут опасения того, что использование дипломатических гарантий является, по сути, средством обойти запрет на применение пыток и жестокого обращения.

39. Стремление к получению дипломатических заверений со стороны стран с плохими общими показателями по применению пыток и жестокого обращения вызывает особое беспокойство. Из этих данных необязательно следует, что тот человек, в отношении которого предполагается депортация, лично подвергается реальной опасности жестокого обращения в соответствующей стране; необходимо учитывать конкретные обстоятельства при проведении такой оценки. Однако если на самом деле существует риск жестокого обращения, то могут ли дипломатические заверения, полученные от властей страны, где пытки и жестокое обращение постоянно широко практикуются, являться достаточной защитой против подобной опасности? С некоторой уверенностью можно заранее предположить, что даже если эти власти на самом деле эффективно контролируют учреждения, в которых предположительно будет содержаться под арестом соответствующий человек (что не всегда происходит в реальности), нет никаких гарантий того, что данные заверения будут соблюдаться на практике. Если эти страны не соблюдают свои обязательства в рамках ратифицированных ими международных договоров по защите прав человека, то резонно задать вопрос, как можно быть уверенными, что они будут соблюдать гарантии, предоставленные на двусторонней основе в каком-то конкретном случае?

40. В ответ на это был выдвинут аргумент, что можно разработать механизмы мониторинга обращения с депортированным лицом после его возвращения в случае его/ее задержания. Несмотря на то, что КПП сохраняет непредвзятую позицию по данному вопросу, он все еще не увидел убедительных предложений по эффективным и практичным механизмам такого рода. Для того, чтобы быть эффективным, такой механизм должен, безусловно, включать некоторые основные гарантии, в том числе право на посещение соответствующего лица независимыми и достаточно квалифицированными специалистами в любое время и без предварительного уведомления, а также право на беседу с ним при закрытых дверях в том месте, которое они выберут. Такой механизм также должен предлагать способы незамедлительного действия по защите, в случае выяснения того, что предоставленные гарантии не соблюдаются».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

64. Заявитель жаловался, что экстрадиция в Узбекистан подвергнет его реальному риску пыток и жестокого обращения, запрещенного Статьей 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Представления сторон

65. Правительство заявило, что утверждение о том, что заявитель подвергнется политическому преследованию, было проверено российскими судами при рассмотрении его жалобы на решение об экстрадиции и было отклонено как необоснованное. Российские суды опирались на заявление узбекских властей о том, что для заявителя не будет риска жестокого обращения в случае его экстрадиции в Узбекистан. Ссылаясь на гарантии узбекских коллег, Правительство утверждало, что заявитель не будет подвергаться жестокому обращению или наказанию в нарушение Статьи 3 Конвенции.

66. Заявитель утверждал, что он предъявлял доводы в российских судах о том, что для него существует реальный риск подвергнуться жестокому обращению и политическим преследованиям в Узбекистане. Он представил доклады учреждений ООН и международных неправительственных организаций об Узбекистане, подтверждающие, что пытки широко распространены в местах содержания под стражей и что эта информация не была должным образом оценена российскими властями. Он отметил, что суды отклонили его аргументы без каких-либо причин, кроме ссылки на заверения узбекских властей. Наконец, он сослался на ряд дел, рассмотренных Судом, в которых было установлено, что выдача в Узбекистан лица, разыскиваемого за политические преступления, представляет собой нарушение Статьи 3.

B. Оценка Суда

1. Приемлемость

67. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу Статьи 35 § 3 Конвенции. Кроме того, он отмечает, что она

не является неприемлемой и по другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

2. *Существо дела*

68. Для обзора соответствующих основных принципов, разработанных в прецедентном праве Суда, см. дело *Маматкулов и Аскарлов против Турции* ([БП], №№ 46827/99 и 46951/99, §§ 66-70, ECHR 2005-I).

69. Из материалов, представленных сторонами, следует, что заявитель был арестован в России и впоследствии задержан по запросу узбекских властей, которые подозревали его в совершении ряда преступлений, включая попытку свержения конституционного строя и распространение взглядов радикального экстремистского движения. Российские власти начали процедуру экстрадиции в отношении него. В ходе разбирательства заявитель утверждал, что его экстрадиция в Узбекистан подвергнет его опасности жестокого обращения. Он также подал ходатайство о предоставлении статуса беженца, повторяя доводы об опасении пыток и преследования по политическим мотивам. Он подкреплял свои представления докладами, подготовленными учреждениями ООН и международными НПО, описывающими жестокое обращение с задержанными в Узбекистане. Российские власти отклонили его ходатайство о предоставлении статуса беженца и вынесли решение о его экстрадиции в Узбекистан.

70. Задача Суда состоит в том, чтобы установить, существует ли реальный риск жестокого обращения в случае экстрадиции заявителя в Узбекистан. Поскольку он еще не был экстрадирован благодаря применению Судом срочных мер по Правилу 39 Регламента Суда, имеющей значение датой для оценки этого риска является дата рассмотрения дела Судом. Таким образом, хотя историческая позиция представляет интерес, так как она позволяет пролить свет на текущую ситуацию и ее возможное развитие, решающими являются ныне существующие условия (см. дело *Чахал против Соединенного Королевства*, 15 ноября 1996, § 86, *Отчеты* 1996-V).

71. Что касается утверждений заявителя о том, что заключенные подвергаются жестокому обращению в Узбекистане, Суд недавно подтверждал, что данная проблема общего характера все еще продолжает существовать в этой стране (см., например, дела *Исмоилов и другие против России*, № 2947/06, §§ 120-121, 24 апреля 2008, и *Муминов против России*, № 42502/06, §§ 93-96, 11 декабря 2008). Никаких конкретных свидетельств не было представлено, чтобы продемонстрировать какие-либо существенные улучшения в этой области в Узбекистане за последние несколько лет. Учитывая данные обстоятельства, Суд считает, что жестокое обращение с заключенными

представляет собой повсеместную и устойчивую проблему в Узбекистане.

72. Что касается персональной ситуации заявителя, Суд отмечает, что ему были предъявлены обвинения в политически мотивированных преступлениях. Учитывая, что в отношении заявителя было вынесено постановление о заключении под стражу, весьма вероятно, что он будет помещен под стражу непосредственно после экстрадиции и в силу этого подвергнется серьезному риску жестокого обращения.

73. Что касается аргументов Правительства о том, что от узбекских властей были получены гарантии (см. параграф 16 выше), следует отметить, что даже если бы узбекские власти по просьбе России предоставили дипломатические заверения, которые не были представлены в Суд, это бы не освободило Суд от обязанности рассмотреть, являются ли такие заверения в практическом плане достаточной гарантией защиты заявителя от риска обращения, запрещенного Конвенцией. Весомость гарантий принимающего государства зависит в каждом случае от обстоятельств, сложившихся на тот момент (см. дело *Саади против Италии* [БП], № 37201/06, § 148, ECHR 2008-...). Учитывая, что практика применения пыток в Узбекистане описывается признанными международными экспертами как систематическая (см. параграфы 59, 60 и 62 выше), Суд не убежден, что заверения узбекских властей представляют собой надежную гарантию от риска жестокого обращения.

74. Соответственно, насильственное возвращение заявителя в Узбекистан приведет к нарушению Статьи 3, так как там он подвергнется серьезному риску пыток или бесчеловечного либо унижающего достоинство обращения.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 §§ 1 И 4 КОНВЕНЦИИ

75. Заявитель жаловался по Статье 5 § 1 (f) Конвенции, что его содержание под стражей в ожидании экстрадиции было незаконным и неопределенным по длительности в нарушение соответствующих положений внутреннего законодательства. Относимые части Статьи 5 § 1 (f) гласят:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не должен быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в соответствии с процедурой, предписанной законом:

...

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче».

76. Он также жаловался по Статье 5 § 4 Конвенции, что национальные суды не рассматривали законность содержания его под стражей с целью экстрадиции. Статья 5 § 4 Конвенции гласит:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Представления сторон

77. Правительство настаивало на том, что содержание заявителя под стражей в ожидании экстрадиции было законным, поскольку оно было основано на решении Наманганского уголовного суда от 5 июня 2008 года, и что оно полностью соответствовало положениям статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса.

78. Правительство утверждало, что жалоба заявителя относительно того, что национальные суды не рассматривали законность его содержания под стражей, была явно необоснованной, поскольку он обжаловал законность своего содержания под стражей, подав жалобы в Тверской районный и Московский городской суды, где в их удовлетворении было отказано.

79. Заявитель не согласился с правительством. Он утверждал, что ни одно из решений о продлении срока от 18 июня и 6 августа 2008 года не устанавливало каких-либо сроков для его содержания под стражей и что продолжительность его содержания под стражей была чрезмерной в нарушение всех соответствующих положений российского уголовного процесса.

80. Заявитель также утверждал, что Тверской районный суд не рассмотрел вопрос о законности его содержания под стражей, не признав его в качестве участника какого-либо соответствующего уголовного производства (см. параграф 24 выше).

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

81. Суд отмечает, что жалобы заявителя по Статье 5 §§ 1 и 4 не являются явно необоснованными в понимании Статьи 35 § 3 Конвенции и не являются неприемлемыми ни по каким иным основаниям. Таким образом, они должны быть признаны приемлемыми.

2. *Существо дела*

(а) **Статья 5 § 1 Конвенции**

82. Стороны согласились, что заявитель был заключен под стражу в качестве лица, «против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче», и что его содержание под стражей попадает под действие Статьи 5 § 1 (f). Стороны, однако, не согласны по вопросу, было ли данное содержание под стражей «законным» в понимании Статьи 5 § 1 Конвенции.

83. Суд отмечает, что заявитель был задержан в России в соответствии с постановлением о заключении под стражу, изданным узбекским судом. Его задержание было санкционировано Пермской транспортной прокуратурой 18 июня, а затем 6 августа 2008 года. Ни одно из решений не предусматривало сроков содержания заявителя под стражей.

84. Что касается ссылки Правительства на то, что содержание заявителя под стражей с целью экстрадиции в Узбекистан соответствовало требованиям статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса, Суд отмечает, что в соответствии с определениями Конституционного суда № 158-О от 11 июля 2006 и № 333-О-П от 1 марта 2007 года и Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 22 от 29 октября 2009 года, когда речь идет о вопросах, касающихся содержания под стражей до экстрадиции, российские суды должны соблюдать требования статьи 108 УПК и что содержание под стражей с целью выдачи может быть продлено только в соответствии с требованиями статьи 109 УПК (см. параграфы 53-56 выше).

85. В ряде своих недавних постановлений Суд уже устанавливал, что положения российского права, регулирующие содержание под стражей до решения вопроса об экстрадиции, не являются ни четкими, ни предсказуемыми в их применении и не соответствуют стандарту «качества закона», предусмотренному Конвенцией (см., например, дела *Насруллоев против России*, № 656/06, § 72, 11 октября 2007, *Исмоилов и другие*, цитированное ранее, § 142, *Муминов*, цитированное ранее, § 122, и *Худякова против России*, № 13476/04, § 73, 8 января 2009).

86. Суд подтверждает выводы, сделанные в вышеупомянутых делах, и полагает, что в отсутствие ясных правовых положений, устанавливающих процедуру назначения и продления срока содержания под стражей до решения вопроса об экстрадиции и определяющих сроки такого содержания под стражей, лишение заявителя свободы не было обеспечено адекватными гарантиями от произвола. В частности, Суд отмечает, что ни одно из решений о

заключении под стражу, на которые ссылался заявитель, не устанавливало каких-либо сроков содержания под стражей (см. параграфы 18 и 19 выше). По закону, регулиющему сроки содержания под стражей (статья 108 Уголовно-процессуального кодекса), срок содержания под стражей при предварительном следствии ограничен двумя месяцами. Судья может продлить этот срок до шести месяцев. Дальнейшее продление допускается судьей только в случае, если лицо обвиняется в тяжких или особо тяжких преступлениях. Однако в данном деле после истечения максимального первоначального срока содержания под стражей в два месяца (статья 109 § 1 Уголовно-процессуального кодекса) суд не продлил срок содержания под стражей. Заявитель содержался под стражей в ожидании экстрадиции с 17 июня 2008 года по 23 апреля 2010 года, то есть более двадцати двух месяцев. В течение этого времени прокуратурой не было ни принято решений, касающихся его содержания под стражей, ни подано ходатайств в национальные суды о продлении срока содержания под стражей. Таким образом, национальная система не смогла защитить заявителя от произвольного содержания под стражей, которое не может рассматриваться в качестве «законного» для целей Статьи 5 § 1 Конвенции.

87. Ввиду вышесказанного Суд находит, что содержание заявителя под стражей в указанный период было незаконным и произвольным в нарушение Статьи 5 § 1.

(b) Статья 5 § 4 Конвенции

88. Суд повторяет, что целью Статьи 5 § 4 является обеспечение лицам, которые арестованы или заключены под стражу, права на судебный контроль за законностью меры пресечения, которой они подверглись (см. дело *Де Вильде, Уумс и Версип против Бельгии*, 18 июня 1971, § 76, Серия А № 12). Средство правовой защиты должно быть доступно во время содержания лица под стражей, чтобы позволить этому лицу получить безотлагательный судебный контроль за законностью содержания под стражей, способный привести, в случае необходимости, к освобождению. Наличие средства правовой защиты, требуемого Статьей 5 § 4 Конвенции, должно быть достаточно определенным не только в теории, но и на практике, иначе у него будут отсутствовать характеристики доступности и эффективности, требуемые для целей данного положения (см., с соответствующими изменениями дела *Стоичков против Болгарии*, № 9808/02, § 66 *in fine*, 24 марта 2005, и дело *Вачев против Болгарии*, № 42987/98, § 71, ECHR 2004-VIII (извлечения)). Доступность средства правовой защиты предполагает, в частности, что обстоятельства, добровольно созданные властями, должны предоставлять заявителям реальную возможность использования средства правовой защиты (см.

с соответствующими изменениями дело *Чонка*, цитированное ранее, § 46 и 55).

89. Суд не убежден аргументом Правительства, согласно которому заявитель воспользовался доступом к судебному контролю за содержанием под стражей, подав жалобу 24 июня 2009 года о том, что его содержание под стражей было незаконным и он не мог получить судебного контроля за ним (см. параграф 23 выше). Заявитель намеревался убедить суды, что его содержание под стражей перестало быть законным после истечения предельного срока, предусмотренного статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса. На основании Статьи 5 § 4 Конвенции он был вправе обратиться в «суд», обладающий юрисдикцией на «безотлагательное» решение вопроса о том, стало ли лишение его свободы «незаконным» в свете новых факторов, возникших после постановления о его первоначальном заключении под стражу (см., с соответствующими изменениями, дело *Уикс против Соединенного Королевства*, 2 марта 1987, §§ 55-59, Серия А № 114).

90. Жалоба заявителя относительно контроля за его содержанием под стражей была отклонена национальными судами как несоответствующая Главе 13 УПК РФ, которая предусматривает судебное рассмотрение жалоб в отношении меры пресечения, наделяя правом предъявлять такие жалобы только «подозреваемых и обвиняемых, против которых российскими властями возбуждено уголовное дело». Тверской районный суд отказался признать заявителя в качестве участника уголовного судопроизводства на основании того, что против него в России не было возбуждено уголовного дела и что максимальный срок содержания его под стражей в ожидании экстрадиции еще не истек (см. параграф 24 выше).

91. Суд отмечает, что Правительство в своих замечаниях не предложило никаких путей судебного рассмотрения жалоб заявителя о содержании под стражей, кроме неопределенной ссылки на Главу 16 Уголовно-процессуального кодекса, которая регулирует жалобы участников уголовного производства в суды на незаконные действия должностных лиц (см. параграф 46 выше). Однако в этой связи Суд хотел бы подчеркнуть, оставляя в стороне неопределенность ссылок Правительства на эти положения, что он уже устанавливал в ряде дел, что статья 125 Уголовно-процессуального кодекса не может рассматриваться как предоставление возможности судебного обжалования лицам, содержащимся под стражей в ожидании экстрадиции (см. дела *Насруллоев*, цитированное ранее, §§ 88-89 и *Рябкин против России*, № 8320/04, § 139, 19 июня 2008 года). В этих делах заявители были в подобных ситуациях, и было установлено, что они не имели формального статуса по национальному уголовному праву, поскольку против них в России уголовного дела не было

заведено, в связи с чем законность их содержания под стражей до экстрадиции не могла быть проверена судом.

92. Из этого следует, что на протяжении всего срока содержания заявителя под стражей он не имел в своем распоряжении какой-либо процедуры, посредством которой законность его содержания под стражей могла бы быть рассмотрена судом. Таким образом, имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 § 2 КОНВЕНЦИИ

93. Заявитель утверждал, что формулировки решения об экстрадиции от 18 сентября 2008 года, вынесенного Генеральной прокуратурой России, и отказа районного суда наложить на него домашний арест от 23 апреля 2010 года нарушили презумпцию невиновности.

94. Правительство не согласилось с этим аргументом.

95. Суд отмечает, что решение об экстрадиции заявителя от 18 сентября 2008 года и решение суда от 23 апреля 2010 года ясно ссылались на документы, представленные со стороны узбекских властей, которыми он был обвинен в инкриминируемых правонарушениях, и подразумевали описание обвинений, которые были предъявлены заявителю в Узбекистане (см. параграф 10 выше). При таких обстоятельствах Суд не считает, что заявления российской прокуратуры и районного суда составили признание вины заявителя, они описали «состояние подозрения», которое послужило основой для запроса о выдаче и последующего решения о его экстрадиции (в отличие от дела *Исмоилов*, цитированное ранее, § 168; см. также *Колесник против России*, № 26876/08, § 92, 17 июня 2010 года (еще не вступило в силу)).

96. Отсюда следует, что эта часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

97. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

98. Заявитель требовал 20 000 евро (EUR) в части компенсации нематериального вреда.

99. Правительство утверждало, что требования заявителя были чрезмерными, и заявляло, что факта установления нарушения Конвенции будет достаточно в деле заявителя.

100. Суд, производя оценку на справедливой основе, присуждает выплатить заявителю EUR 15 000 в отношении компенсации морального вреда, плюс любой налог, который может быть начислен на эту сумму.

В. Издержки и расходы

101. Ссылаясь на договоры об оплате и табели учета рабочего времени юристов, заявитель требовал 5 137 фунтов стерлингов (GBP) (приблизительно EUR 6 220) за работу юристов г-на У. Бауринга и г-жи Дж. Эванс в Лондоне, включая административные расходы и оплату переводов, EUR 1 200 за работу г-жи Рябининой по представительству в национальных органах и перед Судом и 90 000 рублей (RUB, примерно EUR 2 360) за работу г-на А. Гайтаева и г-жи Р. Магомедовой в качестве его представителей в национальных органах власти. Общая заявленная сумма составила EUR 9 780.

102. Правительство не оспаривало обоснованность заявленных сумм, но заявило, что они были чрезмерными.

103. В соответствии с практикой Суда, заявителю причитается возмещение издержек и расходов только в том случае, если будет показано, что они были действительно и по необходимости понесены, а также разумны по своим размерам. В настоящем деле, учитывая представленные документы и вышеназванные критерии, Суд считает разумным присудить сумму EUR 7 500 в качестве возмещения всех заявленных издержек, плюс любые налоги, которые могут быть взысканы с заявителя на эту сумму.

С. Проценты за просроченный платеж

104. Суд считает уместным, чтобы проценты за просрочку платежа исчислялись из расчета кредитной ставки Европейского Центрального Банка, к которому должны быть добавлены три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобы в соответствии со Статьями 3 и 5 Конвенции приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;
2. *Постановляет*, что в случае исполнения решения об экстрадиции заявителя, будет нарушена Статья 3 Конвенции;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 5 § 1 Конвенции;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции;
5. *Постановляет*
 - (а) что Государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с момента вступления данного решения в законную силу в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции:
 - (i) EUR 15 000 (пятнадцать тысяч евро), плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, в качестве компенсации нематериального ущерба;
 - (ii) EUR 7 500 (семь тысяч пятьсот евро) плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, в качестве возмещения издержек и расходов, которые необходимо конвертировать в фунты стерлингов по ставке, действующей на дату оплаты, и перечислить на банковские счета в Лондоне, указанные заявителем;
 - (b) что с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до осуществления выплаты должны выплачиваться простые проценты на вышеуказанную сумму по курсу равному минимальной кредитной ставке Европейского Центрального Банка за период задержки выплаты плюс три процентных пункта;
8. *Отклоняет* остальные требования заявителя по справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке и доведено до общего сведения в письменной форме 4 ноября 2010 года, в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен
Секретарь

Христос Розакис
Президент